

ШЕДЕВР ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Саймон СКЭРРОУ

ЦЕНТУРИОН



Москва
2017

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
С46

Simon Scarrow

CENTURION

© 2007 Simon Scarrow.

The Author asserts the moral right to be identified as the Authors of this Work.

The Work was first published in the English language by Headline Publishing Group Limited

Перевод с английского языка *А.С. Шабрина*
Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении переплета использована репродукция картины «Царица Зенобия обращается к своим солдатам» (1730) художника Джованни Батиста Тьеполо (1696—1770)

Скэрроу, Саймон.

С46 **Центурион / Саймон Скэрроу ; [пер. с англ. А. Шаблина]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Шедевр исторического романа).**

ISBN 978-5-699-96073-6

Богат и благословен оазис Сирийской пустыни — Пальмира, лежащая на перекрестье караванных путей. Но судьба царства, попавшего в поле притяжения двух могучих империй, незавидна: здесь зреет битва между Парфией и Римом. Похоже, престарелый правитель Вабат не в силах удержать бразды правления, и в Пальмире вспыхивает мятеж, раздуваемый соседями-парфянами. На кого положиться, если один сын у правителя оказывается предателем-мятежником, другой — ветреным гулякой, а третий и вовсе дурачок? Но до Рима уже долетел сигнал тревоги, и верные боевые товарищи центурионы Катон и Макрон повели своих солдат на подмогу запертому в цитадели Пальмиры гарнизону правителя... Успеют ли они вовремя?

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-96073-6

© Шабрин А.С., перевод на русский язык, 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Эта книга посвящается
всем моим бывшим студентам,
преподавать которым
было для меня честью.
И спасибо за все, чему вы в ответ
учили меня!*

РИМСКАЯ АРМИЯ КРАТКОЕ ПОЯСНЕНИЕ НАСЧЕТ ЛЕГИОНОВ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ КОГОРТ

Солдаты императора Клавдия служили в двух разновидностях войсковых соединений: в легионах и вспомогательных когортах, таких, как Десятый легион и Вторая Иллирийская когорта, представленные в данном романе.

Легионы представляли собой элитные подразделения римской армии. Укомплектованные жителями Рима, с тяжелым вооружением и хорошей оснасткой, они подвергались неукоснительной военной муштре. Будучи опорой боевой машины Рима, легионы также задействовались и в масштабных инженерных проектах, таких, как строительство дорог и возведение мостов. Численность каждого полностью укомплектованного легиона составляла пять с половиной тысяч человек, которые, в свою очередь, подразделялись на девять когорт, состоящих из шести центурий по восемьдесят человек в каждой (не по сто, как можно было бы предположить), а также еще одной — первой — когорты, вдвое большей по сравнению с остальными; ей предписывалось удерживать правый, наиболее уязвимый фланг боевого построения.

В отличие от легионов, во вспомогательные когорты набирались жители провинций, которым по прошествии двадцати пяти лет беспорочной службы перед отставкой даровалось римское гражданство. Держать

в постоянной боеготовности высококлассную кавалерию и службу метательных орудий римляне были не в состоянии, но, будучи людьми практичными, многие из этих функций они препоручали как раз вспомогательным когортам, состоявшим из неграждан. Служившие в тех когортах солдаты звались ауксилиариями. По своей выучке вспомогательные войска не уступали легионерам фактически ничем, кроме вооружения (оно было более легким) и размера жалованья (оно было не столь весомым). В мирное время обязанности вспомогательных частей сводились к гарнизонной службе и охране порядка; в походе же они брали на себя функции разведчиков и легких пехотинцев, основная задача которых — не давать неприятелю сдвинуться с места, в то время как легионы, надвигаясь, сминают его и уничтожают. Вспомогательные когорты, как правило, насчитывали до шести центурий, хотя бывали когорты и более крупные, такие, как Вторая Иллирийская, к которой придавался еще и отряд конницы. В ходе военных действий вспомогательные когорты обычно группировались с легионами.

Что касается воинских чинов, то и легионными и вспомогательными центуриями командовал центурион с полномочиями заместителя военачальника. Во главе когорта стояли старшие центурионы легионов, а также префект вспомогательной когорты — обычно авторитетный и опытный воин, назначенный от легиона. Самими же легионами командовали легаты со штабной свитой трибунов — молодых аристократов, для которых этот поход был обычно первым. Во главу всей армии обыкновенно ставился человек с недюжинным боевым опытом, избранный императором. Зачастую этот верховный военачальник параллельно занимал и другие должности — например, местного проконсула, как в случае с Кассием Лонгином, одним из персонажей данной книги.

Глава 1

В час, когда сумрак сгущался над лагерем, командир когорты пристально глядел в сторону реки. Туманная дымка, устилающая Евфрат, переливалась на противоположный берег, белесой полосой тумана перечеркивая прибрежные деревья, так что казалось, будто это какая-то змея, виляя, ползет скользким своим брюхом, с нежной вкрадчивостью оплетая все вокруг. От этой мысли у центуриона Кастора поднялись волоски на загривке. Запахнувшись плотнее в плащ, он, прищурясь, оглядывал подернутые дымкой лоцины на той стороне Евфрата: земли Парфии.

Вот уже сто с лишним лет назад мощь Рима натолкнулась на противостояние парфян, и с той самой поры обе империи втянулись в смертельную игру, частью которой был стратегический союз с Пальмирой — городом к востоку от Сирии, ныне римской провинцией. Теперь, когда Рим обсуждал с Пальмирой договор о более тесном союзничестве, ее влияние уже простерлось до берегов Евфрата, то есть достигло границ ее давнего врага. Не существовало более никакого сопредельного государства между Римом и Парфией, и мало кто сомневался, что кипящая вражда скоро обернется новым столкновением. Уже готовились к боевому походу легионы Сирии, когда из ворот Да-

маска маршем вышла когорта со своим командиром во главе.

Центурион Кастор вновь ощутил горький прилив негодования от того приказа из Рима: вести вспомогательную когорту через пустыню, вдали даже от Пальмиры, и заложить укрепление здесь, на крутых берегах Евфрата. До Пальмиры отсюда восьмидневный переход на запад, а ближайший римский гарнизон и вовсе в Эмесе, в шести днях за Пальмирой. Настолько заброшенным Кастор ощущал себя, пожалуй, впервые в жизни. С четырьмя сотнями людей он находился на самом что ни на есть краю империи, наблюдая с этого отвесного склона за движением: не вздумают ли парфяне переправиться через Евфрат.

После изнурительного перехода по голой каменной пустыне когорта встала лагерем у обрывистого берега и начала возводить укрепление, которое ей теперь предстояло охранять до тех пор, пока какая-нибудь титулованная особа в Риме не распорядится их здесь сменить. А перед этим, в дни перехода, когорта пеклась под солнцем, а ночами куталась в плащи, когда безжалостный зной со скоростью пущенного из пращи камня сменялся пронизывающим холодом. Учет воды велся чуть ли не по каплям, и когда войско наконец достигло величавой реки, пересекающей пустыню своим благодатным серповидным изгибом, люди кинулись на отмель утолять свою жажду, самозабвенно лоя запекшимися ртами воду под строгие окрики офицеров: назад, хватит!

Прослужив три года в Десятом легионе, расквартированном в Киресе с его сочно-курчавой зеленью садов и всеми удобствами, каких только может возжелать плоть, свое временное назначение в когорту Кастор принял с чувством, мягко говоря, смутным. И чувство это лишь крепло. Перед когортой маячила

перспектива провести месяцы, а то и годы на задворках ойкумены¹. И если их здесь до смерти не изведет скука, то это за нее точно доделают парфяне. Потому центурион погнал своих людей возводить стены сразу, как только над обрывом нашлось место, откуда открывался удобный вид на брод и на туманные низины Парфии за рекой. Кастор знал, что слух о появлении римлян достигнет ушей парфянского царя в считанные дни, а потому жизненно важно, чтобы когорта успела возвести достойное укрепление прежде, чем враги решат испытать его на прочность. Несколько дней солдаты неустанно ровняли землю и готовили основания для стен и башен будущего укрепленного лагеря.

Затем каменщики принялись спешно обтесывать и подгонять каменные глыбы, что свозились на площадку со всей округи, где выходили на поверхность горные породы. Стены поднялись уже на высоту пояса, а зазоры между ними заполнились строительными отходами, когда центурион Кастор в свете гаснущего дня удовлетворенно кивнул. Дней через пять укрепление поднимется уже настолько, что когорта сможет переместиться из временного лагеря в его новые стены. Тогда парфяне будут уже не так опасны. А до этих пор надо трудиться без устали, от рассвета до заката.

Солнце уже село, образовав на горизонте прозрачно-огненную полосу заката.

— День на исходе, — обернулся Кастор к своему заместителю, центуриону Септимусу, — пора заканчивать на сегодня.

Септимус с молчаливым кивком набрал побольше воздуха в легкие и, поднеся ко рту сведенные раковиной ладони, проревел во всеуслышание приказ:

¹ Ойкумена — понятие, введенное древнегреческими географами. Под ойкуменой понималась обитаемая, заселенная людьми часть мира.

— Кого-орта! Работу прекратить, возвращаться в ла-агерь!

По всей площадке зашевелились смутные силуэты строителей; с понурой усталостью складывая свои кирпичи, заступы и плетеные корзины, они снова становились воинами по мере того, как подхватывали свои щиты, копья и выстраивались в подобие колонны на том месте, где скоро должны были подняться главные ворота. Когда последние из них занимали место в строю, из пустыни ощутимо потянул ветер, и Кастор, прищурясь на запад, заметил, как в их сторону издали несутся серые сгущающиеся клубы пыли.

— Песчаная буря собирается, — ворчливо определил он на глаз. — Хорошо бы до ее натиска успеть в лагерь.

Септимус кивнул. Он почти всю свою службу провел на восточной границе и знал не понаслышке, как быстро человек теряет дорогу в стремглав налетающей завесе из хлещуще-колкого, удушающего песка — обычного явления в этих землях.

— Тем бездельникам в лагере считай что повезло, — сказал он, — их-то не затронет.

Кастор скупно улыбнулся. С полцентурии осталось охранять лагерь, пока остальные гнули спины здесь, на скалистой серой круче. Сейчас караульные уже наверняка отступили под прикрытие угловых башенок, спрятавшись там от кусачего ветра и песка.

— Ну что, надо пошевеливаться.

Он рукой дал отмашку, и колонна нестройно двинулась вниз по извилистой кремнистой тропе, что вела в лагерь, расположенный отсюда на расстоянии чуть больше мили. Набирающий силу ветер в густеющем сумраке бесцеремонно хлопал складками солдатских плащей, мешая и без того неудобному спуску по каменистому склону.

— Уж откуда, а из этого гиблого места я уйду без всякого сожаления, — бурчал на ходу Септимус. — Вы, часом, не знаете, когда нас здесь сменят? А то по нас с ребятами заскучает в Эмесе теплая казарма.

— Понятия не имею, — покачал головой Кастор. — А уйти отсюда меня тянет не меньше твоего. Все зависит от того, как сложатся дела в Пальмире, да еще как на все это посмотрят наши друзья-парфяне.

— Ох уж эти выродки, — вздохнул Септимус. — Так и норовят что-нибудь выкинуть. Это ведь они стояли за прошлогодней заварухой в Иудее, разве нет?

Кастор кивнул, припоминая мятеж, что неожиданно вспыхнул к востоку от Иордана. Парфяне тогда снабдили бунтовщиков оружием, да еще и отрядили им в подмогу отряд конных лучников. Спасибо гарнизону крепости в Бушире, что героическим усилием не дал иудеям вкупе с их парфянскими подстрекателями разжечь пожар антиримского восстания по всей Иудее. А нынче эти парфяне обратили свой алчный взор на Пальмиру — этот город-оазис, бесценную жемчужину восточных торговых путей и буфер между Римской империей и Парфией. Пальмира до сих пор пользовалась сравнительной независимостью и была скорее протекторатом¹, чем узаконенной провинцией. Однако нынче правитель города стал стар и дряхл, и за спиной у него оживились соперники-домочадцы, правдами и неправдами стремящиеся добыть себе право зваться его преемником. А один из наследных сынков — кстати, самый влиятельный — уже и не скрывает, что не прочь окопаться в стане Парфии, если станет новым правителем.

¹Протекторат — форма межгосударственных отношений, при которой одна страна признает над собой главенство другой, сохраняя автономию во внутренних делах и собственную династию правителей.

— Так что это дело проконсула Сирии, — прокашлявшись, сказал Кастор, — убедить парфян умерить свои аппетиты в отношении Пальмиры.

Септимус скептически поднял бровь:

— Вы о Кассии Лонгине? Думаете, он будет или сможет этим заниматься?

Кастор секунду-другую помолчал, взвешивая ответ.

— Думаю, Лонгину это по плечу. Он не из тех, кто у императора на побегушках. Свое высокое положение он заслужил. И если дипломатическая схватка ни к чему не приведет, Лонгин вполне сможет их разгромить на поле боя. Если до этого, конечно, дойдет.

— Мне бы вашу уверенность, — качнул головой Септимус. — Я вот слышал, в прошлый раз Лонгин быстро показал пятки, как только учуял беду.

— И кто тебе это сказал? — фыркнул Кастор.

— Да один офицер из Буширского гарнизона. Лонгин при появлении мятежников как раз находился в крепости. Он тогда, кажется, прыгнул в седло и ушмыгнул быстрее, чем шлюха из Субурры¹ потрошит у клиента кошель.

— У него наверняка были на то свои причины, — пожал плечами Кастор.

— Еще какие.

— Послушай, — хмуро обратился к подчиненному Кастор, — это не нашего ума дело, обсуждать тонкие виды начальства. Особенно на слуху у солдат. Так что держи свои соображения при себе, ясно?

— Как скажете.

Колонна продолжала спускаться по склону, когда разгулявшийся ветер с силой обдал солдат первой

¹ Субурра — древнеримский увеселительный квартал с большим количеством лупанариев (борделей).

заметью песка. Секунда-другая, и всякая видимость окрестности сошла на нет; Кастор замедлил шаг, чтобы не потерять свое положение впереди строя, ощупью идущего в сторону лагеря. Солдаты, теснясь, ступали вперед, отгораживаясь щитами от хлестких, секущих песком взвихрений. Ближе к подножию склона тропа постепенно выравнивалась. Из-за песка и густеющего сумрака оставленная позади площадка была уже и не видна.

— Теперь недолго осталось, — сам себе пробормотал Кастор, но оказался услышан Септимусом.

— Вот и хорошо. Я первым делом, как доберусь до палатки, прочищу горло добрым глотком вина.

— Славная мысль. Может, и мне к тебе присоединиться?

Септимус запоздало пришипился, но лишь мысленно махнул рукой: эх, прощай последняя фляжка, пронесенная через пустыню.

— С удовольствием, — просипел он сквозь непогоду.

Кастор со смехом хлопнул подчиненного по плечу:

— Добрый человек! Как вернемся в Пальмиру, рассчитаюсь в первой же корчме.

— Да ладно. И на том... — внезапно Септимус с резким вдохом застыл, напряженно глядя вперед; вначале застыл сам, затем вскинул руку, веля колонне остановиться.

— В чем дело? — негромко спросил Кастор, застыв рядом. — Что там такое?

— Мне что-то показалось — там, — кивком указал Септимус вперед, в сторону лагеря. — Кажется, всадник.

Оба центуриона, напрягши слух и зрение, уставились в завихрения песка, но в них не различалось ровным счетом никого — ни пешего, ни конного; только